

МИХАИЛ ШУШАРИН

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ЮРГАМЫШ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
1989

МИХАИЛ ШУШАРИН

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ЮРГАМЫШ

РАССКАЗЫ
О ПРИРОДЕ ЗАУРАЛЬЯ

Художник
Е. Ельская

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
МОСКВА
1989

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ЮРГАМЫШ

В Северо-Казахстанских степях часто можно увидеть сурков. Живут эти ничем особо не выдающиеся зверьки дружно, большими семьями. Почти полжизни спят в норах, устланных сухими травами и листвой. Норы у них разные: зимние — для спанья, летние — отдельные, для отдыха (у каждого гостиная своя и спальня) и охранные — эти для того, чтобы быстро можно было укрыться от неприятеля.

Милые и любопытные это существа, доверчивые и наивные. Представьте себе — бескрайние просторы, залитые раскалённым солнцем, коршуны, парящие в поднебесье, ветер и ковыль. А вот на бугорках или склонах курганов стоят столбиками сурки, мудро и, кажется, с удивлением смотрят на мир...

Сурчинные шкурки искони считались в степях, среди местного казахского населения, не очень хорошим товаром, а мясо и того хуже — посредственным. Потому-то и не трогали их.

Лишь в последние годы нашлись охотники до сурков, несмотря на то, что убивать их запрещено.

То, о чём я хотел рассказать, случилось в дни моего кратковременного путешествия по степям Северного Казахстана. Вместе с молодым журналистом Колей Стяжкиным и с шофёром Геной мы, получив разрешение Областного управления охотничьего хозяйства и рыболовства, встретили несколько зорек на Тоболе. И щук поймали, и сазанов и довольные возвращались домой.

Весенняя степь, будто зелёно-голубая скатерть, усыпанная цветами, расстилалась перед нами. Десятки километров — ни кустика, ни деревца! Хлебные поля по пятьсот, а то и по тысяче гектаров. Гена рассказывал: в совхозе, где он раньше работал, было так — с одного края поля заедешь утром, пахать ли, сеять ли, или убирать, а на другой край приедешь вечером. Вот где размах! Гена и сейчас говорил об этом с восторгом!

Мы ехали среди набирающей силу зелёной пшеницы. Миновали маленькую речку, пошли под уклон. И тут наш востроглазый Гена забеспокоился:

— Глядите, что делает мужик-то!

— Где?

— Вон, на пригорке, возле лесопосадок!

Мы увидели толстенького юркого человечка с палкой, суетливо сновавшего туда-сюда. Рядом стоял старый «Запорожец». На выхлопную трубу его был надет резиновый шланг, испускавший невероятное количество чёрного удушливого дыма. Толстяк засовывал конец шланга в сурчиные норы и едким дымом выгонял из-под земли сурков.

— Что он творит?

— Сурков бьёт, палкой! Разве не видите?

Появление нашей «Волги» было для браконьера как снег на голову.

— Прекратите! — выскочил из машины потрясённый удивленным москвич Коля Стяжкин. Он вырвал у толстяка палку.

Мужик струсил сразу. Он вперился голубыми глазками в Колю, встал на колени и завыл:

— Простите! Товарищи-ы-ы! Больше не буду!

Мы подошли к «Запорожцу». Около заднего колеса рядом лежали восемь убитых зверьков.

— Отвечать придётся по закону! — Лицо Коли Стяжкина было белым, как берёста.

— Простите! Разве ж я хотел...

— Для каких целей убивал?

— Сало с них топим. На базаре сто рублей за кило.

— Значит, закон для тебя не писан!?

Мы заглушили «Запорожец», а потом взяли его на буксир. А разбойника, иным словом такого человека и не назовёшь, привезли в ближайший районный центр и сдали в милицию.

...Тушки мёртвых зверьков нам порекомендовали увезти в райзаготконтору, сдать приёмщице пушного сырья.

Приёмщица, молоденькая красавица казашка, пересчитывала нашу «добычу» на своём языке:

— Бер, экев, шоу, турту... Ой, дяденьки, да тут у вас ещё и живой ёсь! — От волнения она вместо «есть» сказала «ёсь» и подняла на ладонях годовалого сурка. — Глядите!

У зверька были переломаны передние ножки, и, очевидно, в болевом шоке он потерял сознание, а сейчас, в багажнике, пришёл в себя.

— Куда ж его теперь девать? — вопросительно глядела на меня приёмщица.

— Отдай мне его, если не жалко, — попросил я. — Я его вылечу. Как ты его назвала? Ёсь? Пусть он и будет Йоська.

— Вылечите, пожалуйста, Йоську, прошу вас! — сказала девушка и отдала мне сурка.

Я обрадовался подарку, и мы быстро поехали в районную ветлечебницу.

— Нужен рентген, — безапелляционно потребовал в ветлечебнице Коля Стяжкин.

— Зачем? — спросил старый ветфельдшер.

— А как лечить будете?

— Как-как, — ветфельдшер пощупал Йоськин позвоночник, брюшко, взялся за передние ножки.

И тут Йоська заплакал. Не засвистел или запищал по-сурчичному, а просто заплакал, как ребёнок.

— Вот, всё понятно. Палкой, значит, по ножкам... Он, наверное, стоял, что-нибудь держал в лапках, а его палкой.

— Что же вы будете делать?

— Знаем что, — лукаво прищурился ветфельдшер. — Не испытывайте меня, молодой человек, иначе я обижусь. Не забывайте, обычный врач лечит человека, а ветеринарный — человечество!

Ветфельдшер сходил в сарай, принёс скрученную берёзовую кору, ловко, по размеру Йоськиных ножек, нарезал трубки. Осторожно надел их зверьку на переломы (бедный Йоська, как он стонал в эти минуты) и затянул уникальные шины бинтами.

— Вот теперь всё. Забирайте вашего клиента. Один совет: держите его дома, пока не выздоровеет. В поле не отпускайте. Погибнет!

Я привёз больного Йоську из Северо-Казахстанских степей домой, в Курган. Среди моих друзей немало врачей. Но я, как, наверное, поступили бы многие из вас, обратился к главному светилу по лечению ног, милому доктору Илизарову, Гавриле Абрамовичу, кавалеру польского ордена Улыбки. Доктор приехал ко мне домой, нашёл время, «побеседовал» с Йоськой.

— Как вы чувствуете себя, больной? На что жалуетесь?

Доктор сидел в кресле, а Йоська на моём письменном столе, около пишущей машинки, и с удовольствием брал из рук доктора пряничные крошки, хлеб, вымоченный в молоке, морковь, яблочные очистки и халву. Доктор сказал, чтобы я ни в коем случае не снимал берестяные лангеты и посоветовал давать вместе с водой витамины и лекарство под названием — кальцитонин.

Вся моя родня из разных концов города, все жители нашего двухсотквартирного дома приходили к Йоське, сочувствовали ему. Йоська обычно лежал в специально устроенной кровати. На кухню или в кабинет приходил только за едой. Он быстро подружился с сиамским котом Робинзоном. Робинзон всегда уступал ему блюдечко с молоком: «Пей, я уж потом попью! Ты раненый!»

Так шло время, суббота за пятницей, воскресенье за субботой и так далее.

Мирное течение наших дней прервал Йоська. Если бы он был человек, ему обязательно приписали бы несоблюдение больничного режима и отправили из больницы, да ещё бы на место работы сообщили. Что он сделал? Сам снял берестяные шины. Об этом с ужасом сообщила мне по телефону моя дочка

Верочка, учившаяся на первом курсе медицинского училища.

— Левую лангетку он просто сгрыз, а правую сдёрнул, — говорила она.

— Ну и дальше что?

— Сидит на кровати. Обеими лапами, то есть ногами, то есть руками, держит печенье и грызёт его.

— Это Йоська победу над болезнью празднует! — успокоил я дочку. — Не переживай!

— Могут быть осложнения!

— Раз уж он сам снял предохранительную повязку — значит, всё будет хорошо!

Так оно и вышло. Йоська окончательно поправился.

Жил бы поживал Йоська у меня в городской квартире, но вот началось лето и мы уехали на дачу за город, к речке Чигирим. Может быть, кто-нибудь скажет: «Сурок ваш все растения на даче съест, он ведь травоядный!» Это ошибка! Сурок, конечно, животное травоядное. Но никакие огородные культуры: ни зерновые, ни фруктовые, ни декоративные — ни цветы, ни корнеплоды, выращенные человеком, сурок не тронет. Излюбленная еда его — это луговая овсяница, костер безостый, корешки ковыля, семена различных трав и пушица. Не враг он земледельцу. Одно плохо: в местах обитания изрывает землю до невозможности, и высыхает она, становясь «сурчиной», то есть ничего не родящей. Но это — небольшие островки. И сердиться на сурков в данном случае вряд ли стоит. Тем более, что поголовье их на земле с каждым годом уменьшается.

Йоське понравилось на даче. Вечерами дачные ребятишки и девчонки выходили на улицу. Появлялся за калиткой и Йоська. И начиналось для него настоящее пиршество: малыши приносили ему вкуснейшие, испечённые бабушками ватрушки и шанежки, давали конфеты, варенье и ягоды. Йоська не страдал отсутствием аппетита, ел хорошо, быстро располнел и стал похож на русского купца в меховой шубе.

Летом на даче — радость во всём: и в первой землянике, которую с молоком хлебают мои внуки Глеб, Костя и Серёга, и в полных вёдрах смородины, с которыми сидят женщины на пароме, и в радуге, которая образуется в мельчайшей водяной пыли искусственного фонтанчика, излаженного умельцем для полива.

Все мы загорали, ели лук со сметаной и укропом, огурцы, редьку и редиску, жарили котлеты с патиссонами. По вечерам в соседнем саду слышалась гитара, звучали старинные романсы.

Но подошла помаленьку осень. На цветочном рынке, около главных ворот городского сада, появились тёмно-бордовые гладиолусы и тяжёлые букеты белых астр. На всех людных перекрёстках были навалены горы весёлых арбузов и дынь. Сосед мой купил ведро свёклы за десять копеек.

Однажды ночью пролился окатной холодный дождь. И больше уж, если говорить откровенно, летней погоды не было. Солнышко только слепит, а тепла не даёт. Осень.

Исчезли с дачных улиц ребятишки, а Верочка вместе с училищем поехала копать колхозную картошку. Уезжая, она «серьёзно» поговорила со мной.

— Папа, — сказала она. — Ты видишь, что скоро зима. Что делать с Йоськой?.. Когда ты привёз его больного — было понятно. Надо было спасать малыша. Но и в то время, как ты знаешь, он погрыз у нас коврик и испортил некоторые вещи.

Представляешь, что будет, если оставить его на зиму в квартире? И ещё! Ты должен это понимать, Йоську вообще одного держать нельзя. Его надо увезти в степи, к своим! Ему нужна подруга.

Я успокоил дочку, сказал, что нынче, конечно, не удастся отвезти Йоську в степь, но я сделаю на даче специальную клетку и буду всю зиму, ежедневно, привозить ему корм.

— Если не это, то я придумаю что-нибудь ещё. Не оставим же мы его в беде, — уверял я не на шутку разволновавшуюся девочку.

Придумывать, однако, ничего не пришлось. С наступлением первых заморозков Йоська исчез. Проснувшись однажды утром, я позвал его, засвистел по-сурчиному, стал искать у калитки, на улице. Он не отозвался. Где же он, куда подевался? Огорчению моему не было границ. Подумал: может, нашёлся какой-то

«охотник» до редкой для наших мест зверюшки? Может, убили его?

А тут ещё дачный сторож Иван пришёл «успокаивать»:

— Не ищите Йоську! Соседка сказывала, а она женщина правдивая, что на дальних дачах собаки разорвали какого-то зверька, заяц не заяц, хомяк не хомяк. Не иначе, это был Йоська!

Но я ещё долго искал его. Только когда наступила зима, горе стало сглаживаться... Ну, что поделаешь? Неосторожный был Йоська, доверчивый. Вот и поплатился жизнью. Все мы жалели его. Внуки мои, Глеб, Костя и Сергей, длинными зимними вечерами нет-нет да вспомнят его. Самый младший, Сергей, даже изображал зверька, вставал на колени столбиком, держал ручонками еду и грыз её, по-сурчиному шевелил носом. Артист!

Пришла новая весна. С тревожным гоготом прошли в синем небе гуси, гуменники и белолобые, отшумел на Тоболе лёд. Наступило апрельское тепло. Я приехал на дачу, протопил печки, проверил и очистил от пыли чердачное помещение, где у меня были устроены уютный рабочий кабинет и спальня. Потом, проголодавшись, я решил заглянуть в подвал, где мы хранили различные компоты, соленья и варенья, а также картофель, морковь и другие овощи. Но, едва я спустился в подzemелье и включил свет, как из дальнего угла, из довольно объёмной норы, вырытой в песчаном грунте, вышел Йоська.

— Здравствуй! — свистнул он.

— Здравствуй, дружище! — радостно ответил я ему. — Знал бы ты, столько забот доставил людям своим несносным поведением?

Йоська ластился ко мне. Он протягивал ручки и свистел. «Есть захотел? Сильно?» Я поднял Йоську наверх, усадил за стол и накормил. С этой минуты мы не расставались: на семейном совете было решено не оставлять зверька в одиночестве. Я, если мне приходилось куда-то уезжать, брал Йоську с собой, в машину. Он располагался у заднего стекла, грелся на солнышке и равнодушно разглядывал происходящее снаружи. На остановках спал на мягких сиденьях, иногда на заднем, иногда — на переднем, кверху брюхом. А на даче он по-прежнему мирно гулял между грядок, в малине, в смородине, так же, как и прежде вертелся между ребятишками, озорно свистел, просил вкусные шанежки.

А тут вот что случилось. В газетах написали: учёные вычис-

лили, что в это лето в наших местах, недалеко от рабочего посёлка Юргамыш, можно будет наблюдать полное солнечное затмение. Вот почему учёные всего мира захотели приехать в Зауралье. Председателю Юргамышского поселкового совета Епифану Игнатьевичу то и дело приносили с почты запечатанные красной лентой иностранные телеграммы.

«Мэру города Юргамыш! — гласили телеграммы. — Просим заказать для группы американских учёных в лучшем отеле девять номеров «люкс».

Просили не только американцы, итальянцы, немцы и французы и англичане, просили представители совсем не известных Епифану Игнатьевичу стран, наподобие Суринама. Тоже подавай номера в отеле. «Где я вам их возьму! — поругивался Епифан Игнатьевич. — У нас всего один Дом приезжих!»

Мы с Колей Стяжкиным прибыли к Епифану Игнатьевичу в самый разгар его международных хлопот.

— Не знаю, как и быть? Всем надо «люксы»! — сокрушался старик.

— Так ведь не обязательно гостей размещать в посёлке, — посоветовал ему Коля.

— А где?

— Да хотя бы в пионерском лагере, на Медовой горе. Там и отели отличные, и душ, и ванны, и даже плавательный бассейн есть. Ребятишки уже уехали. Живут только завхоз да сторожика.

— Ты прав, товарищ корреспондент! — оживился Епифан Игнатьевич. — Упустил я Медовую-то гору из виду. Так мы, наверное, и сделаем!

В тот же день в одном из прекрасных коттеджей пионерского лагеря поселились приехавшие из Италии итальянские астрономы. Они привезли не только научную аппаратуру для наблюдения за солнцем, но и свою еду — шесть мешков первого сорта спагетти. Епифан Игнатьевич — бывалый дипломат — устроил иноземным гостям приём и угостил их пельменями, чем восхитил делегацию Итальянской республики.

— Долой спагетти! — кричали темпераментные итальянцы. — Да здравствуют пельмени!

Они сдали мешки с макаронами в Юргамышское сельпо и попросили Епифана Игнатьевича кормить их «только пельменями».

Стали прибывать другие делегации. Епифан Игнатьевич не спал ночи, продумывал все мелочи до ниточки с иголочкой.

И приехавшие вскоре французы, немцы, а затем и американцы, были премного довольны.

И всё-таки всего предусмотреть Епифан Игнатьевич не мог. Беда пришла с неожиданной стороны. В день солнечного затмения налетели с Урала тяжёлые тучи, и не только солнце, но и всё небо затянуло начисто. Епифан Игнатьевич рано утром начал звонить в райисполком.

— Ить, скажи! Как навред! Что делать-то?

— Не горюй, Епифан Игнатьевич, — успокаивал старика председатель райисполкома. — Мы эти тучи расстреляем!

— Не шути надо мной, товарищ. Я уж немолодой, чтобы меня разыгрывать.

— Я не шучу.

И действительно, в половине одиннадцатого, за час до затмения, где-то за лесом прогремели орудийные залпы, и минут через тридцать небо стало ослепительно синим, и солнце, не заслонённое пока ещё тенью луны, сияло по-летнему. Епифан Игнатьевич был счастлив.

...Мы с Колей наблюдали затмение в дороге, и приехали на Медовую гору к лагерю, когда оно уже закончилось. Мы хотели повидаться с иностранцами, узнать, не нужна ли какая помощь... В моей машине, у заднего смотрового стекла, сидел Йоська. Встретившая нас у входа в «отель» — резной, рубленый в русском стиле домик — американская девочка в белом льняном платице явно важничала. Она довольно сносно объяснялась по-русски:

— Что вам угодно? Доктор Хэнфэр в лаборатории.

— А вы кто?

— Я — Луиза Браун. Что вам угодно?

— Мы — журналисты...

— Что вам угодно? — наладила своё девочка. И тут её глаза остановились на Йоське. Лицо будто осветилось солнышком, очаровательная улыбка преобразила его.

— Какой миленький кенгурёнок!

— Сурок Йоська, — уточнил я.

— Сурок? У нас в Айове тоже есть сурки. Я видела, только они коричневые. А этот ваш, русский, сурок?

Из «отеля» вышли мужчины и женщины. Громогласные, улыбчивые, они пожимали нам руки, говорили своё «о'кей» и по-русски «спасибо» за хорошее затмение.

Они пригласили нас в столовую, где Епифан Игнатьевич строжил поваров и официантов:

- Щи чтобы были — так уж щи!.. Со смальцем!
- Что такое смалец? — спрашивали американцы.
- Попробуйте! Не пожалеете.

Мы пообедали весело, по-свойски. Обещали друг другу всегда помнить эту хорошую встречу.

Наступила пора уезжать. Попрощавшись, мы пошли к своим машинам. И тут меня окликнул Епифан Игнатьевич. Лицо его было — сплошное огорчение.

— Она плачет. Говорит, пускай берёт её подарок, фотоаппарат...

— Какой фотоаппарат?

— Не знаю, как он называется. Но машина, как у нас девочки говорят, фирмовая. Фотографии, цветные, выдаёт через пять минут после съёмки!

— Так зачем мне её фотоаппарат, да ещё такой дорогой? Я и «Киевом» пока что обхожусь.

— Так сурка же она твоего просит.

— Сурка? Йоську? Зачем?

— Вот — рёвом ревёт... Понимаешь, маленькая сестрёнка, говорит, больна. Увидит, говорит, Йоську — выздоровеет. Подарок ей!

Коля Стяжкин мгновенно всё решил за меня:

— Пусть берёт. Мы рады вручить ей нашего Йоську. В Америке он найдёт сородичей!

Я молчал. Я вообразил, как далеко придётся Йоське уехать от родной степи... Но обидеть Луизу? Эту маленькую иностранку? Нет, на это пойти я не мог!

— Пускай берёт! Но лишь при условии, чтобы ни в коем случае не предлагала мне свой фотоаппарат. Я не могу принять! Ясно?

— Ясно, спасибо! — Епифан Игнатьевич заспешил в дом, выкидывая вперёд оригинальный черёмуховый костыль.

Через минуту из домика выбежала Луиза и кинулась мне на шею.

— Благодарю! Вы мне милый и родной человек! — Она смеялась и плакала — всё вместе.

Йоська с радостью, как мне показалось, пошёл на руки к американской девочке. Свистнул на прощанье и уткнулся носом в её загорелую шею.

«Ну, будь здоров, Йоська!»

Не поверите, мне стало так грустно, грустно... Расставание со зверьком, что оно, казалось бы, значило для меня?

Многое-многое. Будто я расставался с членом моей семьи.

Вот и всё.

Через полгода, в бурном феврале, получил я письмо из Америки. Привожу его дословно:

По-русски это значит:

«Дорогой Михаил! Большое спасибо вам за Йоську. Моя маленькая Женни выздоровела и любит его и вместе с ним спит.»

Луиза Браун».

Я волновался и успокаивал себя: «Не горюй! Ему ведь там хорошо, и люди там хорошие. А если он найдёт себе подружку, сурчиху, да ещё американку, так это же будет совсем здорово!»

В ПЕЛИКАНЬЕМ ЦАРСТВЕ

Стояла самая середина лета. Выглядывали из-за плетней золотые шляпы подсолнухов. По утрам на буйном разнотравье долго стояла чистая роса. Огромное озеро играло на свободных от камыша берегах тёплой синей водой.

Подрастали на дальних плёсах и готовились к отлёту дикие гуси-шипуны, чернедь, серая утка, чирки и гагары. Там же где-то, на неведомых озёрных угодьях, укрывалось веселое пеликанье царство.

Добраться до него было почти невозможно. Надо сначала с большим трудом пробиваться по камышам до первого открытого плёса, Студёного. Этот плёс — настоящее море, глубина — до десяти метров, волна бешеная: лёгкую лодку, с которой пройдёшь через зелёные заросли, того и гляди, перевернёт, а тяжёлую —

не протащишь. Дальше, за Студёным, ещё семь таких же плёсов: Первые Горбуны, Вторые Горбуны, Дорофеево, Песьяное и так далее. А потом опять камышинные стены... Никто и не рисковал плавать к пеликанам. Да ведь и незачем. Рыбные места? Так их и без того вдоволь на озере.

Егерь Савелий Кузьмич, которого я приехал уговорить на рискованное путешествие, долго отказывался. Но когда узнал, что мне это нужно для детской книги, согласился.

Мы тщательно осмотрели две лёгкие тесовые лодки, законопачили их и дотошно проверили снаряжение: вёсла, тычки, рыболовные снасти, одежду. Взяли с собой ласты, очки, дыхательные трубки, фотоаппарат, магнитофон и ещё много самых необходимых вещей. Утром семнадцатого июля наши «пирог» вышли в плавание.

Первую ночь провели мы на маленьком, заросшем боярышником островке. Развели костёр, поймали немного карасей и сырков, и Кузьмич «изладил», как он выразился, тройную уху — совершенно неповторимое и нигде в мире в таком виде не встречающееся, кроме как только у нас в Зауралье, рыбное блюдо. Сначала он сварил мелкую рыбёшку, затем, вынув её из котелка, в оставшийся отвар бросил рыбу покрупнее. Когда сварилась и она — её тоже вытащили из отвара. Последняя порция крупных карасей была запущена в белую, пахнущую пряностями жидкость: Кузьмич приправлял уху какими-то ему одному известными травами, росшими на островке.

Мы не хлебали уху, а пили её кружками, вприкуску с калачом, испечённым в деревенской печке супругой егеря Фёклой Степановной.

Потом долго лежали, вслушиваясь в тихую летнюю ночь. В соседних камышах стонали лысухи, до полуночи ухала выпь. В полночь из зарослей боярышника разнёсся душераздирающий крик.

— Кто это? — испуганно спросил я.

— Лиса... Живёт, наверное, где-то на острове. Чует нас. Вот и пугает!

Крик лисы продолжался недолго. Вскоре установилась настоящая полуночная тишина, и я уснул. И увидел во сне ловкого рыбака, веслоногого пеликана с огромным кожаным мешком в подклювье...

Утром, чуть свет, мы опять начали движение к пеликаньей колонии. Ещё двое суток вступали в непрерывные схватки с камышинными стенами и широкими грозными плёсами. Упорно

продвигались вперёд. Девятнадцатого июля выбрались на мели. Случилось это неожиданно, хотя клики птиц слышали мы всю ночь.

Когда лодки облегчённо заплесали в маленьком реднике, Кузьмич вздохнул:

— Вот оно твоё желание, парень! Слава богу, дотащились!

Я потянулся к биноклю.

— Зачем тебе окуляры? Ты разве не видишь, они на нас идут!

— Кто?

— Да пеликаны, кто боле!

И я увидел тучу птиц. Они, выстроившись в цепь, шли на нас, как солдаты в атаку.

— Что это они? — спросил я старика, приостанавливая лодку.

— Рыболовничают. Они так вот заходят с глубины, а потом идут шеренгой или выстраиваются мешком... Гонят рыбёшку к отмели... Набирают полные сумки — и к детёнышам!

Вскоре пеликаны подошли почти к самым нашим лодкам. Вода вскипала от рыбы. Птицы ловко хватили её клювами и отправляли в подклювные мешки. Крики и шлепотня стояли невероятные. И только когда охота окончилась, они обратили внимание на нас: отхлынули от лодок и с тревожным гоготом,

не подымаясь на крыло, поплыли к большой грязевой гряде, протянувшейся вдоль плёса.

На гряде вот что творилось. Взрослые открывали клювы, и в мешки, полные рыбы, молодые пеликаны засовывали свои головы. Вытащив рыбу изо рта папы или мамы, детёнок глотал её немедленно и торжествующе, сыто верещал.

Мы стояли в реднике, покачиваясь на плескун¹, и с удивлением глядели на незнакомую нам пеликанью жизнь. Повсюду шёл обед. Весьма взрослые малыши до крови расцарапывали мешки кормильцев. Но кормильцы, кажется, были за это даже благодарны своим милым детушкам.

— Будем устраиваться с подветренной стороны, — сказал Кузьмич. — Сторонний шум — для них тревога. Видишь, вон, на краю плёса, пеликаний царь стоит. Живот трубить начнёт!

Я взял бинокль, тщательно отрегулировал его и посмотрел туда, где стоял вожак. Он был большой и важный, стоял с закрытыми глазами и, казалось, спал. Но чувствовалось: вся колония видит его и готова по малому сигналу подняться на крыло.

В тёмном камышином углу, потеснив с островка гагар, мы устроили пристанище и решили готовить завтрак. Кузьмич вы-

¹ Плескунь — затихающая волна.

ехал на соседний глухой плёс, свободный от пеликанов, и через какие-нибудь полчаса привёз ведра полтора рыбы.

— Куда нам столько? — спросил я его.

— Да ведь не каждый день сети ставить. Подержу рыбку в садке: всегда под рукой.

Садок — мешок, как авоська с частыми ячейками, мы наполнили рыбой и опустили в воду в потаённом местечке, предварительно привязав его к небольшому берёзовому колышку.

— Вот. Теперь можно жить хоть трое суток... Еды хватит! — объяснил Кузьмич.

Странное дело, во время завтрака к нам стали подплывать любопытные птицы. Они останавливались невдалеке полукругом и с интересом рассматривали, как мы едим. Мы недоумевали: чего уставились? И ни я, ни Кузьмич не догадались, что за нашими спинами, около берёзового колышка, орудуют пернатые грабители. Когда спохватились, садок был пуст.

— Вы мне за это поплатитесь! — рассердился Кузьмич.

— Как это они могут поплатиться?

— Выпорю! Ей богу, выпорю! Мало им вольной рыбы, так ещё и наш мешок разорили!

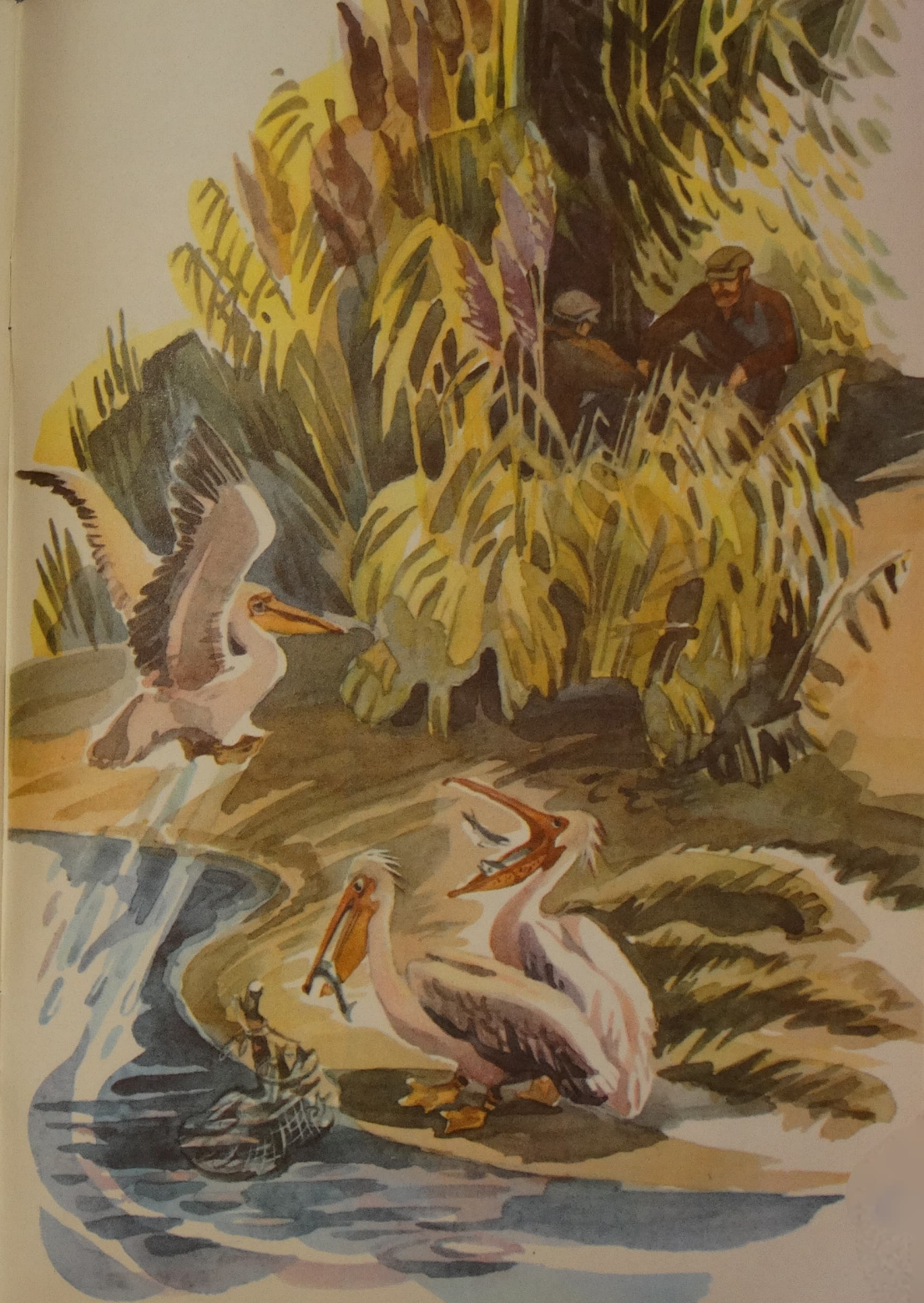
...Весь день я ездил на своей утлой лодчонке по пеликаньим плёсам, пять катушек плёнки исщёлкал, фотографируя новых своих друзей... Необыкновенной жизнью жили камыши и плёсы, тысячи голосов разносились по воде: тревожно крякала в камышах серая утка, тоскливо звали кого-то лебеди, чайки, сытые и спокойные, крачки, подолгу парили в свободном голубом воздухе. И лысухи стонали, и чернедь гагакала, и чибисы дразнили своим неизменным: «пив-рик!», «пив-рик!». И камышовые подсолонки заливались на всю округу. Я останавливал лодку, и сердце моё замирало от этого необыкновенного, не нарушающего тишины шума. Вот она истинная гармония природы! К вечеру шум усилился, и я включил магнитофон, чтобы записать эту дивную музыку дикого озера.

Возвращаясь к месту нашего временного жительства, я услышал сердитый голос Кузьмича:

— Вот тебе! Вот тебе!

Я налёг на тычку, и лодка моя, рассекая негустой камыш, выскочила к месту происшествия. Что же я увидел? На песчаной отмели, близ нашего садка, Кузьмич, в очках и ластиках, держал между ног голову молодого пеликана и хлестал его по распущенному хвосту камышиным веником.

— Вот тебе!

— Ну и казнь! — я засмеялся.

Молодой пеликан не вырывался, не кричал. Он терпеливо сносил кару: виноват, что тут поделаешь? Кузьмич отпустил его, окунулся в тёплую воду и влез в мою лодку вместе с ластами.

— Он понимает, что чужой улов съел! Понимает!

— А остальные?

— Так ведь не одному ему попало. Я ещё и старику одному всыпал как следует!

— Как ты их ловишь?

— Очень просто. Опускаюсь с трубкой под воду, иду по дну. Они видят, что трубка движется, но не пугаются, мало ли тут камышинок плавают. Ну, а я подкрадываюсь, беру его под водой за ноги, выхожу на отмель, шею между ног — и получаю, что заработал!

— Тут главное, чтобы суд был честным. Если за дело, можно, конечно, и наказать.

— Я без дела не наказываю... К тому же, у старого с ноги снял смотри какую штуку! — Кузьмич подал мне алюминиевое колечко с надписью Gilgid. 1980. — Что за знак?

— Это, кажется, Индия, — объяснил я старику. — Мы вышлем колечко в Академию наук, тем, кто занимается миграцией птиц. Ответят обязательно.

Кузьмич задумчиво глядел на плёсы. Шумело пеликанье царство. Молодые пеликаны, наевшись вдоволь, спали на солнышке, свалившись на бок и вытянув ноги. Родители же вновь и вновь выстраивались в цепь для наступления на рыбы косяки.

Мы вернулись домой двадцать пятого июля. Я в тот же день приехал в редакцию и дал очерк о редких в Зауралье птицах.

А через месяц мы получили письмо из Москвы. В нём сообщалось, что на нашем озере живёт пеликан, окольцованный в северной части Индии, в штате Гилгид. Когда я рассказал об этом Кузьмичу, он радостно засмеялся:

— Что скажешь! Не зря съездили, знаем теперь хоть, откуда они к нам прилетают.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Михаил Шушарин

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ЮРГАМЫШ

Рассказы о природе Зауралья

Художник Е. Ельская

Редактор П. ФЕДОРЕНКО.

Художественный редактор М. САЛТЫКОВ.

Технический редактор О. КИСТЕРСКАЯ.

Корректор Н. ШАДРИНА.

ИБ № 2544

Сдано в набор 23.08.88. Подписано в печать 15.05.89. 60×84/8.
Бумага офс. № 1. Гарнитура Обыкновен.-нов. Печать офсет. Усл.
печ. л. 3,7. Усл. кр.-отт. 16,8. Уч.-изд. л. 4,18. Тираж 150 000 экз.
Изд. № 1741. Заказ № 2426. Цена 40 коп. Издательство «Малыш»,
121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский ордена Тру-
дового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин,
проспект 50-летия Октября, 46.

Ш 4803010201—034
М102(03)—89 86—89

ISBN 5—213—00335—4

© Издательство «Малыш» 1989